

"И, - сказал Гарри, растягивая слово, - я, возможно, пытался сказать ей, что у меня на примете есть кто-то другой, но у меня не было возможности сделать это, пока она не прошла мимо меня".

Гермиона, казалось, не знала, что сказать. "Ты сказал мне, что пока ни у кого не спрашивал".

Гарри кивнул. "Не спрашивал. То есть, пока не спрашивал, но я шел сюда, чтобы спросить их".

"И что?" - спросила она, словно не совсем веря ему, словно осмеливаясь сделать это прямо там и тогда.

Это превращалось в кошмар. Почему она обиделась на него за то, что он не принял предложение Кэти?

"Ладно, - сквозь зубы произнес Гарри, поднимаясь из-за гриффиндорского стола.

Он достал палочку и несколько раз постучал ею по своей мантии, бормоча заклинание, необходимое для ее расправления. Ему не хотелось выглядеть неряхой, и, хотя он жалел, что не знает заклинания, чтобы поправить свою вечную прическу в виде крысиного гнезда, он все же повернулся лицом к столу Рэйвенкло и вдруг заметил, как много глаз устремлено на него. Гарри сдержал желание сжать руки в кулаки или стиснуть зубы от досады, даже когда несколько значков "Поддержки Седрика Диггори" внезапно появились на мантиях нескольких человек, попавших в поле его зрения. Медленно, но верно Гарри направился к столу Рейвенкло, прямо к тому месту, где сидели Флер Делакур и две ее подруги.

Количество направленных на него взглядов угнетало, словно все они ожидали, что он провалится и опозорится.

Ну что ж, если они на это надеются, то у них есть и другой выход.

Он быстро подошел к Флер, и она медленно обернулась. Если бы он не провел предыдущую неделю в ее обществе, то не догадался бы, что блеск в ее глазах был вызван добродушным весельем, а не презрением или злобой. Ее рот, как и все остальное лицо, был выдержан в нейтральном тоне, словно они были незнакомцами, которые не знали друг друга, никогда не делили друг с другом ни одного поцелуя, ни одного прикосновения, ни одного слова. И все же, несмотря на очевидный недостаток тепла и фамильярности со стороны Флер, он почувствовал, как его пронизывает волна чувств: внезапный прилив крови, стук сердца в ушах и жесткость, которую невозможно было отрицать под слоями одежды, внутри брюк. Гарри пришлось бороться с собой, чтобы не позволить улыбке появиться на лице и тем более не склониться к Флёр и не целовать её пухлые губы снова, снова и снова, кто бы ни смотрел.

Целая вечность умерла и в одно мгновение родилась вновь, пока он сдерживал порывы, странно воодушевленный тем, что почувствовал.

Без всякой дрожи в голосе или малейшей запинки в словах, которые он должен был произнести, Гарри сказал: "Мисс Делакур, не окажете ли вы мне честь сопровождать меня на Йольском балу в качестве коллеги-чемпиона и спутницы?"

В Большом зале можно было услышать, как падает булавка.

Казалось, все звуки внезапно умерли.

И только ответ Флёр Делакур мог вернуть ему жизнь.

Уголок ее рта слегка приподнялся, едва заметно, прежде чем эти розовые губы полностью разошлись и дали ответ.

Рон сначала не поверил в случившееся, но потом всё же пришёл в себя и сказал: "Неплохо, дружище", - на его лице заиграла глупая улыбка, полностью игнорируя взгляды, направленные в его сторону. Главным среди этих взглядов был, конечно же, взгляд Гермионы.

Она была в ярости, когда спросила: "Флер Делакур?" Имя было произнесено как проклятие. "Гарри, ты отверг Кэти ради нее?" Гермиона была вне себя от ярости. Его выбор, с кем встречаться, очевидно, сильно раздражал ее. "Из всех..."

Он действительно устал от этой песни и танца. Что "из всех", Гермиона? Продолжай, что ты собиралась сказать?"

Через мгновение Гермиона, казалось, поняла, как далеко она зашла, но, видимо, позволила своим предрассудкам взять верх над здравым смыслом и рассудком.

"Гарри, - спокойно сказала Гермиона, - Флёр Делакур - ужасная девушка, она злая и противная".

"Нет, это не так", - решительно заявил Гарри.

"Нет, она такая", - зашипела Гермиона. "Она унижает всех, кого хочет, и смотрит на весь Хогвартс сквозь пальцы".

"Нет, это не так". Ему надоело повторяться. "Они опозорились, а она тут ни при чем".

"Гарри, она же вейла, они не могли..."

"Ну конечно!" Гарри щелкнул пальцами. "Конечно, они не могли помочь себе, и это каким-то образом делает ее виноватой. Она ничего тебе не сделала, и я никогда не слышал, чтобы она сказала хоть что-то плохое о Хогвартсе или о ком-то еще, но ты, похоже, что-то имеешь против нее. Почему, Гермиона?" Гарри был искренне озадачен поведением своей подруги, совсем на нее не похожим.

Но вместо того, чтобы ответить на вопрос, Гермиона сосредоточилась на предложении, которое предшествовало ему. "Ты никогда не слышал, чтобы она говорила что-то плохое?" Ее глаза подозрительно сузились. "Когда именно ты успел побывать рядом с Флер Делакур, Гарри, чтобы услышать, как она вообще что-то говорит?" Как внезапно они сузились, так же внезапно они и расширились. "Гарри, это не так! Ты сказал нам, что пытаешься разгадать золотое яйцо, которое получил от Первого задания!"

Пойманный на лжи, он больше не беспокоился. "До Второго задания осталось два месяца, Гермиона! Два месяца! И что с того, что я пригласил ее на свидание, что с того, что вместо работы над золотым яйцом я решил провести время с ней? Гермиона, - он постарался говорить спокойнее, - Флер не так уж плоха. Конечно, она может казаться такой иногда тебе и другим, но представь, если бы тебя постоянно приглашали на свидания люди, слишком ошарашенные, чтобы заметить, что у них чуть ли не слюнки текут при виде тебя - без обид, Рон, - он кивнул на своего друга, который предпочел пригнуть голову и спрятаться, - и даже в этом случае они приглашали тебя только из-за того, как ты выглядишь, и ничего больше."

"И ты пригласил Делакур на свидание не из-за того, что она красивая?" - спросила Гермиона,

вся покрывшись щетиной.

Он вскинул руки вверх. "Я сдаюсь, ты невозможна. Я провел с ней целую неделю, Гермиона. Неделю, и я узнал ее, думаю, лучше, чем все остальные, и да, я знаю, что она красивая, больше, чем просто красивая, но это не все, что она есть".

Как он мог заставить ее понять? Сможет ли? Хотела ли она вообще понять?

"О да, я уверена, что вы двое разговаривали, - Гермиона сделала ударение на последнем слове, - очень много, но, Гарри, - ее голос смягчился, - я ведь не была неразумной. Ты не можешь сказать, что ее смех над теми мальчиками, которые пригласили ее на свидание, и их словесные оскорбления после этого не были подлостью с ее стороны". Гарри пытался понять, к чему клонит Гермиона, но он много часов проводил рядом с Флер, и ни разу, ни разу она не показала себя жестокой, холонокровной ведьмой. Напротив, Флер Делакур была очень теплым, хотя порой и немного неуместным в плане близости человеком.

Они могли бы преодолеть это препятствие, как пара друзей, вместе примилившихся с бедой, если бы только она не сказала: "Она использует тебя, Гарри. Я не знаю, как и почему, но эта девушка тебе не подходит. Все закончится слезами, и ты поймешь, что я была права".

Гарри выбежал из общей комнаты, не сказав ни слова, вместо того чтобы накричать на своего друга.

Оглядываясь назад, спустя годы, в этот момент, Гермиона говорила себе, что предпочла бы последнее.

Возможно, так он остался бы прежним, тем самым Гарри, которого они с Роном знали до того, как всё изменилось.

Она нашла его, почти чудом, через некоторое время после этого эпизода в общей комнате с Гермионой.

Гарри даже не заметил, как она вошла в комнату, настолько глубоко он был погружен в свои мысли, в которых сквозили горечь и злость.

<http://erolate.com/book/4312/154735>